

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

СУДНЫЕ ДНИ
ВЕЛИКОГО
НОВГОРОДА

Николай Гейнце

**Судные дни
Великого Новгорода**

«Public Domain»

1897

Гейнце Н. Э.

Судные дни Великого Новгорода / Н. Э. Гейнце — «Public Domain», 1897

«Раннее, яркое, уже с живительной теплотой близкой весны февральское солнце осветило запустелый Новгород. На улицах, с месяц тому назад еще полных оживления и кипучей деятельности, не было ни одной живой души. Было 12 февраля 1570 года, понедельник второй недели Великого поста...»

Содержание

I. На Волховском мосту	5
II. Начало судных дней	9
III. Царский суд	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Гейнце

Судные дни Великого Новгорода

*Сие исповедени падение, мое колебание, разрушение Великого
Новгорода продолжалось около шести недель.
Из Новгородской летописи*

I. На Волховском мосту

Раннее, яркое, уже с живительной теплотой близкой весны февральское солнце осветило запустелый Новгород.

На улицах, с месяц тому назад еще полных оживления и кипучей деятельности, не было ни одной живой души.

Было 12 февраля 1570 года, понедельник второй недели Великого поста.

Второй месяц уже «отчина святой Софии», как звали в то время Новгород, переживала тяжелые дни.

Весь город обвинялся в страшном «государевом деле», измене державному царю.

Царь Иоанн Васильевич тайным походом прибыл 2 января 1570 года в Новгород чинить расправу с крамольниками.

Неумолима была расправа царя – запустел Великий Новгород.

В описываемое нами раннее февральское утро только на Волховском мосту и близ него по берегу Волхова господствовало необычайное оживление. Но увы, как повсеместно в то время в России, жизнь лишь кипела там, где царила смерть.

Это был исторически-кровавый парадокс действительности.

И на самом деле, со льда реки слышались раздражающие душу стоны и мольбы о помощи, но толпа, стоявшая на мосту и по берегу, безмолвствовала.

Большинство этой толпы состояло из опричников, с не менее зверскими лицами, чем те собачьи головы, которые, как знаки их должности, вместе с метлами были привязаны к седлам их коней.

На середине моста был устроен род эшафота, с которого несчастных жертв бросали в полыньи Волхова, в тот год очень большие и частые. Самая большая полынья была как раз под средними городнями Волховского моста.

Чтобы вернее бросать в нее осужденных и устроили эшафот.

Взводили на него связанных по ступенькам, с навязанными на шею камнями, и сталкивали с высоты.

Вода со льдом расхлестывалась высоко, принимая в лоно свою жертву, опускавшуюся прямо на дно. Случалось, впрочем, что жертвы, в виду неминуемой гибели, боролись, выкаывая сверхъестественную силу, и, разумеется, только длили свою агонию, делая верную смерть лишь более мучительною.

Иногда, в борьбе за жизнь, жертве удавалось сбросить с шеи камень, и обреченный на гибель выплывал на поверхность и, держась на воде, хватался за край ледяной коры полыньи.

Рассказывали даже про почти невероятное спасение некоторых.

Изобретательность рассвирепевших опричников не уставала, впрочем, придумывать средства пресечь и для таких героев средства к спасению.

Кому-то из кромешников, при виде выплывающих и вылезавших на лед, пришла адская мысль: сесть в лодку с баграми и рогатинами, да и доканчивать последнюю борьбу с топимыми.

Сказано – сделано, и вскоре полыньи Волховские окрасились алой человеческой кровью.

В кровавых волнах захлебывались жертвы дьявольской изобретательности палачей.

По мосту между тем гнали связанные толпы все новых и новых жертв «царского суда», как громко именовали кромешники свое кровавое своеволие.

Среди этих толп были и женщины, старые и молодые, иные с грудными детьми, плохо прикрытыми лохмотьями своих матерей, босоногие и растрепанные.

С одной такой толпой повстречался, казалось, только что въехавший на Волховский мост всадник.

Это был статный, красивый юноша, в дорогом, хотя и помятом, видимо от длинной дороги, костюме опричника.

Из-под надетой набекрень шапки выбивались русые кудри шелковистых волос, яркий румянец горел на нежной коже щек, а белизну лица оттеняли маленькие темно-русые усики и шелковистый пух небольшой бородки.

По удивленному взгляду его светло-голубых глаз, бросаемому им на окружавшую его толпу, на высившийся на мосту эшафот, можно было предположить, что он не был участником кровавой расправы с народом своих товарищей, что он только что появился в злополучном городе, где поразившие его сцены уже стали заурядными.

Это первое впечатление было совершенно верно.

Семен Иванович Карасев, по прозвищу Карась, так звали появившегося на мосту всадника, был отличен царской милостью среди своих сотоварищей опричников-ратников, он был стремянной царский, чем и объясняется богатство его костюма.

Посланный царем Иоанном в Литву с письмом к изменнику князю Курбскому, он всего несколько дней тому назад вернулся в Александровскую слободу и, узнав, что царь в Новгороде, с радостью поскакал туда, не зная происходивших там ужасов.

Были причины, что сердце юноши, где бы ни был он, было в Новгороде.

Пораженный непонятным ему зрелищем, Семен Карасев ехал почти вровень с густой толпой жертв варварства царских палачей, как вдруг взгляд его упал на одну из связанных молодых женщин, бледную, растрепанную, истерзанную. Черные как смоль косы прядями рассыпались по полуобнаженной груди. Черты красивого лица были искажены страданиями.

Семен круто повернул коня.

– Аленушка!.. – крикнул он каким-то подавленным от внутренней боли голосом.

В нотах этого голоса, казалось, звучала слабая надежда на ошибку.

Увы, он не ошибся.

Молодая женщина, услышав произнесенным свое имя, вскинула на всадника большие черные глаза.

– Сеня, Сенечка!.. – какими-то стонами вырвалось из ее груди.

– Что с тобой? Как ты здесь?.. – подъехал к ней ближе Карасев.

– Оставь... пусть топят... один конец...

– Как топят?.. Кого топят?.. Когда?.. – переспросил он, не веря своим ушам, схватив уже за руку молодую женщину.

– Нас ведут топить... теперь...

– Кто?.. Разве душегубство дозволено?.. Что вы сделали?..

– Мы – ничего... а топить ведут нас, как вчера топили сотни других, как нынче... как и завтра будут топить...

– Да где же я?.. Где все мы?.. Что это, сон, что ли?

– Нет, не сон... в Новгороде мы... на мосту... и с мосту здесь... по грехам людским, безвинных топят, бьют, рубят...

– Татарва, что ли, здесь... где же наши?

– Не татарва... свои рубят и топят... по царевому, бают, повелению...

– Не может быть!.. Ты с ума сошла!..

– Дал бы Бог, легче бы было!..

– Что говорит она?.. Куда ведут их?.. – грозно спросил он у одного из опричников, гнавших толпу.

Последний хотел огрызнуться, но видя метлу и собачью голову, только оглядел Карасева с головы до ног и отрывисто произнес:

– Не наше с тобой дело спрашивать... Больно любопытен некстати!..

– Отвечай! – не владея собой и обнажив меч, крикнул Семен дерзкому, и тот, по богатой одежде оценивая значение его в опрличине, неохотно, но ответил:

– Топить... известно! Да ты кто?

– Я царский стремянной Семен Карасев, и таких разбойников, как ты, наряженных опричниками, уgomонить еще могу...

С этими словами он рубнул его со всего молодецкого плеча.

Как сноп повалился ратник, подскакал другой, но и его уложил меч Карасева.

Гнавшие женщин побежали с криком:

– Измена! измена!

Крик этот достиг до ушей распоряжавшегося этой дикой расправой любимца царя Григория Лукьяновича Малюты Скуратова-Бельского. Он считался грозой даже и среди опричников, и в силу своего влияния на Иоанна имел громадное значение не только в опрличине, но, к сожалению, и во всем Русском государстве.

Григорий Лукьянович прищпорил своего вороного коня, сбруя которого отличалась необычайною роскошью, и поскакал по направлению, откуда раздавались крики. Одновременно с ним, с другой стороны, скакали на внезапного врага еще пятеро опричников. Семен Карасев с одного удара успел свалить поодиночке троих; удар четвертому был неудачнее, он попал вскользь, однако ранил руку, а пятый не успел поднять меча, как споткнулся с конем и потерял под ударом меча свою буйную голову.

В это мгновение сзади наскочил на Карасева Малюта и кнутовищем ударил по голове хребца.

Ошеломленный неожиданностью, Семен быстро обернулся и уже занес тяжелый меч, чтобы перерубить надвое напавшего на него, как Григорий Лукьянович, мгновенно отскочив в сторону, окликнул его:

– Карась!

Сиплый голос Малюты, его скуластая, отвратительная наружность, его космы жестких рыжих волос и, наконец, его глаза, горевшие огнем дикой злобы, слишком хорошо были известны Карасеву, чтобы он тотчас же не узнал грозного опричника и не опустил меч.

– Ты что тут затеял?.. Своих бить? – крикнул Малюта.

– Я бью не своих, а разбойников...

– Я тебе покажу рассуждать... Как смел ты поднять руку на царевых слуг!

– Царь не атаман разбойников... Суди меня Бог и государь, коли в чем повинен я, а невинных бить не дам, пока жив...

– Какие такие невинные?.. Каких тут невинных бьют... Ты не в своем уме, парень... Бьют изменников...

– Нет, Григорий Лукьянович, хорошо слышал я слова этой девушки...

Голос Семена дрогнул, и он рукой указал на инстинктивно прижавшуюся к его коню почти лишавшуюся чувств девушку.

– Да и злодей тот, которого уложил я первым, подтвердил, что этих женщин топить вели... В чем повинны они?.. – продолжал Карасев.

Малюта взглянул на девушку, и в глазах его пробежал какой-то адский огонек.

– Краля-то, кажись, знакомая... Кабы по добру бы обратился ко мне, наградил бы я тебя, царского слугу, этим сокровищем... Отец ее, Афанасий Горбач, в изменном деле уличен и на правеже сдох под палками, а молодая, видно, сгубила нашим молодцам...

При этих словах Григория Лукьяновича несчастная девушка как-то дико застонала и окончательно лишилась чувств.

Если бы Семен Карасев ловко не подхватил ее и не положил поперек седла, она бы упала на землю.

Занятый этим, он не успел даже ответить что либо Малюте, но бросил на него лишь взгляд, полный непримиримой ненависти.

Тот же между тем продолжал с усмешкой:

– А теперь... невинность-то ее разберут после... Брось бабу, да и меч, оскверненный убийством своих и... и следуй за мной. Бери его! – крикнул Малюта подоспевшим опричникам.

– Ну, это погодишь... ее я не отдам, да и меча не брошу... Коли своих бил этим мечом – пусть судит меня царь! Если скажет он, что губят народ по его указу – поверю... А тебе, Григорий Лукьянович, не верю! Погиб я тогда, не спорю и защищаться не хочу... Да и не жизнь мне, коли в словах твоих хоть доля правды.

И махая мечом, Карасев не давал к себе подступиться, отваги же броситься под шальной удар у опричников не хватало, при виде убитых уже неожиданным врагом.

– Вишь, он рехнулся, Григорий Лукьянович! – отозвался один из опричников. – Пусть едет к царю! – лукаво подмигнул он Малюте.

– Добро, пусть судит тебя царь, любимца своего, – поддакнул Малюта, не думая, чтобы горячему Карасю удалось проникнуть к державному.

Сам он мысленно решил все-таки предупредить его и доложить Иоанну Васильевичу все дело предварительно, дабы колючая правда не представилась царю во всем неприкосновенном своем виде.

Озаренный этою мыслью, он повернул коня и поскакал по направлению к Городищу, где были царские палаты.

Семен Иванович, все с поднятым высоко мечом, тоже выехал из толпы с своею драгоценною ношей.

Окружившие его опричники, казалось, застыли в неподвижности, как бы загипнотизированные видом твердо держимого меча, покрытого кровью, на лезвии которого весело играло яркое февральское солнце.

Съехав с моста, Семен тихо поехал по пустынным улицам города, думая свою горькую думу и неотводно глядя на лежавшую недвижно поперек седла свою невесту, дочь именитого новгородского купца Елену Афанасьевну Горбачеву.

II. Начало судных дней

Описанные нами в предыдущей главе потрясающие сцены, имевшие место у Волховского моста, явились как бы финальными картинами той кровавой драмы новгородского погрома, разыгравшейся в течение января и февраля месяца 1570 года в «отчине святой Софии».

Но еще месяца за два до наступления «судных дней» люди новгородские уже чувствовали сгустившуюся атмосферу, уже ожидали имеющую в недалеком будущем разразиться грозу.

В начале ноября 1569 года в Новгород прибыл посланец царя, опричник, имя которого уже было заклеено в России презрением и ужасом, Григорий Лукьянович Малюта Скуратов.

Именем царским новгородский воевода был потребован ко владыке, где уже сидел Малюта со своими приближенными опричниками.

Воевода явился вместе с представителями города.

Вслед за ним собрались концецкие старосты и бояре владычные.

Григорий Лукьянович встал и сказал:

– Господа власти, идемте к святой Софии. Там я доложу волю государя нашего, великого князя Ивана Васильевича... немотчав.

Слова эти всех озадачили. Что бы это значило? Какие новости в храме Святой Софии поведает им грозный посланец царский.

– Глянько-те, идем мы, а за нами кибитка едет с опричными людьми и со стрельцами, – говорили друг другу новгородцы, идя в собор.

Перекрестившись, вступили все они в святое место. У многих сильно почему-то забилося сердце. Недаром молвит пословица: «Ретивое-вещун».

– Все ли здесь? – зычным голосом окликнул Малюта, когда толпа сановников остановилась под куполом храма.

– Все!

– Андрей и Семен, делайте свое дело! – крикнул Григорий Лукьянович, и двое стрельцов, выступив вперед, пошли на солею перед царскими воротами.

Один из стрельцов влез по приставленной к иконостасу лесенке и стал отдергивать гвоздики у ризы на иконе Богородицы.

В храме все стихло, затаило дыхание.

– Готово, государь Григорий Лукьянович! Повели взымать кому ни на есть! – крикнул стрелец, отогнув край иконной ризы и спустившись наземь.

– Господа власти и лучшие люди новгородские, – обратился Малюта к представителям города. – Государь и великий князь Иван Васильевич повелел избрать между вами мужа, кому вы доверяете, для одного дела... Назовите мне этого избранника вашего!..

Начался шепот, и после непродолжительных пререканий выдвинули старосту Плотницкого конца, мужа именитого, пользовавшегося общим почетом в городе, купца Афанасия Афанасиевича Горбачева, по народному прозвищу Горбача, седого благообразного старца.

– Изволь-ка ты, почтенный, влезть по лесенке к иконе Богородицы, к Знамению, – обратился к выборному Малюта.

Тот повиновался.

Остановясь наравне с иконой, он вопросительно посмотрел на Малюту.

– Заложь руку под ризу, где отогнуто, и поищи: нет ли между иконою и ризою чего ни на есть, а буде ущупаешь, вынь и давай сюда.

Слова эти прозвучали в никем не нарушаемой тишине. Казалось, никто не смелдохнуть в напряженном ожидании. Взоры всех были устремлены на икону и на выборного.

Последний запустил руку за ризу и вынул оттуда бумажный столбец. Это было дело одного мгновения.

Степенно, со столбцом в руке сошел он с лесенки и, подошедши к Малюте, подал его ему.

Григорий Лукьянович развернул столбец до начала и, возвратив доставшему, велел читать вслух, громко и не борзяся.

Удивление слушателей росло с каждым новым словом никому неведомых условий, заключенных будто бы с королем польским Жигимонтом о предании ему Великого Новгорода и о призвании на княжество под его королевской рукой князя Владимира Андреевича.

– Совсем это неподобное дело... – прошептал про себя Афанасий Афанасьевич и бросил свиток.

– Читай! – крикнул с яростью в голосе Малюта. – Не кончил еще... не все...

Горбачев стал читать снова. Начался длинный перечень рукоприкладств. При произнесении своего имени каждый из присутствовавших невольно вздрагивал.

– Слышите?.. Что скажете? – зарычал Малюта, когда чтец кончил.

В церкви все безмолвствовало.

– Посмотрите поближе подписи, похожи ли на ваши? – спросил Григорий Лукьянович.

– Я не писал, а подпись свою по сходству отрицать не могу и не смею... – отозвался первый Горбачев. То же сказали и остальные.

– Воровски это сделано, милостивец, воровски! – Объяснили все хором.

– Воровски?.. – повторил Малюта. – Стало, подлог заподозреваете?.. Изрядно... Представим государю, что здесь было... и воровство укажем... несомненное, да получим приказ, что дальше делать. Перед вами все было, мы тут ни при чем...

Малюта направился вон из собора, унося с собою найденный столбец.

Вечером в этот же день он увез с собою связанного софийского ключаря, ничего не могшего ответить на вопрос, как очутился за иконой столбец.

Наступила для новгородцев пора томительного ожидания, чем разрешится вопрос о найденном какими-то неисповедимыми судьбами попавшем за соборную икону приговоре, доказательство огульной измены целого города.

Никому и не приходило в голову, что это дело рук любимца царя Малюты Скуратова и его клеврета, бродяги Петра Волынца.

Со дня на день паника ожидания возрастала. Из Александровской слободы стали между тем доходить далеко не утешительные вести. Пришло известие о смерти князя Владимира Андреевича и его супруги, княгини Евдокии, родом княжны Одоевской.

Готовящаяся гроза стала несомненна. Наконец 2 января передовая многочисленная дружина государева вошла в Новгород, окружив его со всех сторон крепкими заставами, дабы ни один человек не мог спастись бегством. Опечатали церкви, монастыри в городе и окрестностях, связали иноков и священников, взыскали с каждого из них по двадцать рублей, а кто не мог заплатить сей пени, того ставили на правеж: всенародно били, секли с утра до вечера. Опечатали и дворы всех граждан богатых; купцов, приказных людей оковали цепями, жен и детей стерегли в домах. Царствовала тишина ужасная. Никто не знал ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытия государева.

Ужас горожан, увеличивавшийся с каждым новым распоряжением, предвещавшим незаслуженную, а потому и неведомую грозу, достиг полного развития со вступлением в слободы еще тысячи опричников, когда царь остановился на Городище.

Чуть брезжился дневной свет в праздник Богоявления, когда владыка Пимен со всем духовенством пошел крестным ходом навстречу самодержцу при звоне всех колоколов в городе.

На Волховском мосту приблизившийся к государю владыка остановился служить соборне молебен о благополучном государевом прибытии. Чинно совершено было богослужение. Смирненно подступил владыка со святым крестом к Иоанну, как вдруг, отстраняя от себя крест, царь грозно крикнул архиепископу:

– Злочестивец, в руке твоей не крест животворящий, а оружие убийственное, которое ты хочешь вонзить нам в сердце. Знаю умысел твой и всех гнусных новгородцев; знаю, что вы готовитесь предаться Сигизмунду-Августу. Отселе ты уже не пастырь, а враг церкви и святой Софии, хищный волк, губитель, ненавистник венца Мономахова. Иди в храм Святой Софии!

От ярости царь не мог более говорить и лишь рукой указал по направлению к собору.

Как тень, беззвучно двинулись туда ряды духовенства с архиепископом во главе.

Много горячих слез было пролито у искренно молящихся в соборе во время литургии; не дошла, видно, только до Создателя молитва о миновании чаши гнева царского.

Звук грозных слов царя архиепископу успел несколько затихнуть в ушах и умах трепетавших служителей церкви к концу мирно совершенного богослужения.

Начали уже надеяться, авось этой вспышкой на мосту и пройдет зло софийского доноса.

Государь из собора пошел в архиерейский дом к обеду.

Гости сели за стол.

Владыка робко, но внятно, прочел молитву брашен¹ предложения.

Стали обносить блюда по рядам столовавших, по чину.

Отведали крепкого меду софийского бояре московские и, поглядывая издали на государя, стали перекидываться словами, как вдруг опять, мрачнее грозовой тучи, поднялся с места Иоанн.

Он увидел, что владыке подали чашу и он собирается ударить челом государю на отложение гнева царского.

– Бери его! – крикнул державный крошечникам, и через мгновение лютые исполнители умчали из палаты преосвященного.

Тут же были схвачены бояре и дворяне, софийские духовные власти и вся прислуга владычная.

Царь с царевичем Иваном уехали на Городище.

Одни бояре московские остались доканчивать обед.

Опричники-ратники только и ожидали окончания трапезы. Едва разъехались бояре, как начался грабеж палат архиепископских и даже монашеских келий.

Из софийской церкви взяли ризничью казну, сосуды, иконы, колокола.

Обнажили и другие храмы в богатых монастырях.

Жители Новгорода в паническом страхе попрятались в дома свои, а иные даже покинули жилища и бежали в ближайшие леса.

Последние, как мы увидим, избрали благую долю.

Совершившиеся насилия были только началом конца.

¹ Брашно – пища, съестное, яства.

III. Царский суд

Через несколько дней открылся невиданный в истории суд.

На Городище, на улице, наскоро было устроено возвышение с престолом для царя и креслом для царевича Ивана.

Возвышение это было обито сукном цвета пурпура. Вокруг этой эстрады разместились густыми рядами московские бояре и опричники, оставив широкое пространство для приближения к возвышению.

У его ступенек стояли столы приказных и дьяков, на обязанности которых лежало записывать показания приводимых к допросу новгородских обывателей и обывательниц, якобы прикосновенных к делу.

Григорий Лукьянович, стоявший во главе новгородских розысков, только что оправившийся и хотя все еще сильно страдавший от ран, полученных им от крымцев при Торжке, проявил в этом деле всю свою адскую энергию и, нахватав тысячи народа, что называется «с бору и сосенки», захотел окончательно убедить и без того мнительного и больного царя, раздув из пустяков «страшное изменное дело» о существовавшем будто бы заговоре на преступление, скопом, целого города.

Розыски, впрочем, не привели ни к чему, никто на допросах, несмотря на пытки и истязания, не сознался в преступлении, которого и не существовало.

Следователь Малюта был поставлен в затруднение, но недолгое для его хитрого ума.

Он стал убеждать Иоанна, не чуждого, несмотря на свой высокий ум, предрассудков своего времени, в существование в деле колдовства, которое осветило души новгородцев нечистой силою.

– Удалось мне, державный, захватить до десятка баб ведуний, – докладывал он царю, – всячески склонял я их к признанию, священников заставлял их отчитывать, святою водою кропить... не поддаются чары дьявольские... упорствуют, проклятые, слова не добьешься от них... А может и духовные тоже осетены, так молитва их и не действует... Разве только лично ты, государь, поборешь словом да светлым взглядом твоим силу дьявольскую... – заключил хитрый доносчик.

Царю, видимо, понравилась эта уверенность в его победе над врагом человеческим.

– Так ты ведуний этих поставь мне на суд спервоначалу! – решил Иоанн, поддавшись лести и уверенный, что царское слово разрушит чары и заставит говорить правду.

Дело Малюты было сделано, царь придет в иступление от молчания захваченных баб, а молчать они будут поневоле, так как отрезанные, по приказанию Григория Лукьяновича, у них языки – не вырастут.

Суд царский, значит, состоится достойный его кровавого инициатора.

На этом и был построен весь план страшной трагедии, данной в Новгороде 8 января 1570 года.

Мрачно начался этот роковой день.

Уже совсем рассвело, когда духовник Иоанна вошел в божницу государеву, прервав чуткий сон царя, только под утро забывшегося в легкой дремоте.

Всю ночь не сомкнул глаз державный повелитель земли русской; думы, одна другой мрачнее, неслись в царственной голове и терзали сердце, вызывая в душе ряд кипучих сомнений.

С одной стороны, ум Иоанна не допускал возможности поголовного отрицания чего бы то ни было, даже вины, а между тем Малюта говорил ему именно это... Рождался, таким образом, вопрос: «Была ли вина?»

С другой, суеверие царя наполняло его мозг страшными картинами дьявольского наваждения, колдовства, картинами, навеванными на него хитрым любимцем.

Явилось решение: побороть силу дьявольскую.

В этой-то борьбе с самим собою провел государь мучительную ночь накануне назначенного утра «царского суда».

Была минута, когда государь совсем уже решил бросить новгородский розыск, положить на совесть обвиняемым смутное сплетение мнимых ветвей заговора, выпустить Пимена и всех заключенных, да и ускакать, не оглядываясь, в Александровскую слободу.

Отравление брата, вина которого представлялась порой измученной совести царя далеко не доказанной, сильно повлияло на такое направление его мыслей.

Это было на рассвете, и с этим решением Иоанн забылся чутким утренним сном.

Прерванный приходом духовника, он не укрепил царя, а напротив, привел в еще более раздражительное состояние нравственно убитого венценосца.

Вслед за духовником вошел в опочивальню царя Григорий Лукьянович и, воспользовавшись царским настроением, стал снова возводить гору обвинений на попов, монахов и властей новгородских. По его словам, они покрывали знахарей и ведуний, которые, под видом юродивых, беспрепятственно расхаживали по городу и предсказывали народу, что под правлением князя Владимира Андреевича и под покровительною сенью ляхского господства окончатся все беды новгородские, что всюду будет довольство и обилие, вместо теперешнего упадка и скудости, вызванных рядом неурожайных лет. Попы, монахи и власти, по словам Малюты, внушали пасомым и подначальным верить этим предсказаниям.

Мысли царя, под влиянием этих речей Малюты, снова поколебались; это окончательно лишило сил болезненно возбужденный организм Грозного.

Ум его в таком состоянии делался способен на одни лихорадочные скачки и легко приходил к самым антилогическим выводам, поддаваясь попеременно паническому страху и гневному раздражению.

Бледный, с горящими дикой яростью глазами выехал Иоанн на место «царского суда», конь-о-конь с царевичем Иваном, сопровождаемый блестящей свитой московских бояр и опричников.

Сойдя с коня, государь, опираясь на руку сына, поднялся по ступеням и, подойдя к своему престолу, остановился, обернулся к народу, несметными толпами окружавшему место «суда», и сказал:

– Новгородцы! Приступаю к суду над крамольниками... не кладу опалы на невинных... Горе тем, кто вздумает заператься и не отвечать по совести на то, о чем спросят его... Я сам выслушаю все... Не попусти крамолы; казнь нечестие... Не обманет меня упорное отрицание или молчание!.. Толикое зло вызовет злейшую кару...

Голос царя дрожал от волнения, но был звучен и полон гнева.

Кругом у подножья царского престола царила мертвая тишина.

Народ в толпе инстинктивно жался друг к другу. Многие любовались зрелищем царского величия, не понимая рокового значения происходившего.

Царь воссел на престол. По правую руку его сел в кресло царевич. По левую встал Григорий Лукьянович Малюта Скуратов.

Лицо последнего было страшней обыкновенного от игравшей на его толстых чувственных губах улыбки злобной радости.

Взглядом какого-то дьявольского торжества обвел он кучки связанных мужчин и женщин, стоявшие невдалеке от столов приказных, и взгляд этот сверкнул еще более, встретив в одной из этих кучек благообразного, видимо измученного пыткой и поддерживаемого своими товарищами по несчастью, старика с седою как лунь бородою и кротким выражением голубых глаз, окруженных мелкими морщинами, но почти не потерявших свежести юности.

Эти две пары глаз, дышавших совершенно противоположными качествами, встретились, но взгляд старика не выразил гнева, а в нем скорее появился немой укор человеку, радующемуся его несчастью.

Этот старик был уже знакомый нам староста Плотницкого конца Великого Новгорода Афанасий Афанасьевич Горбачев.

Связанный в одной кучке с остальными старостами, он ждал «царского суда», готовясь излить перед державным судьей всю боль своей измученной души, но с ужасом чувствуя, что физические силы его от перенесенных пыток все более и более слабеют.

Между тем к столам дьяков и приказных подвели толпу связанных баб, числом более двадцати.

– Вот они, ведуньи-то, государь! – шепнул царю Малюта.

Иоанн бросил на них гневный взгляд, но тотчас же отвернулся. Царевич Иван в ужасе отвернулся еще ранее.

И на самом деле, бледные, почти посинелые лица, дикое выражение глаз, свороченные на сторону, как бы в судороге, рты, всклооченные, выбившиеся из-под повойников седые волосы, смоченные кровью, вывернутые в пытке руки, скрученные сзади, – в общем представляли ужасную, неподдающуюся описанию картину.

Подведенные перед возвышением, несчастные бросились на колени всею толпой.

Их подняли за веревки.

Один из дьяков зычным голосом сделал переключку по именам связанных женщин и задал общий вопрос:

– Как вы, забыв страх Божий, предались духу злобы и колдовством возбуждали народ к отложению от державного, законного царя?

Женщины закачали в ответ головами и замахали руками.

Григорий Лукьянович снова наклонился к государю:

– Вот и все так... махают руками, а слова не проронят ни единого.

Иоанн встал и гневно крикнул:

– Отвечайте!.. За упорство и запирательство – смерть!.. Говорю напоследок...

Женщины снова замахали руками и издали какой-то дикий стон, похожий на животный вой.

– Ишь как нечистый-то в них воет! – заметил на ухо царю Малюта.

Нервная дрожь пробежала по телу присутствовавших, даже «поседелых в приказах» дьяков, а у многих бояр дыбом поднялись волосы.

Среди наступившей гробовой тишины раздался сиплый голос Малюты, одного с кровавым восторгом созерцавшего эту сцену:

– Отвечайте, или готовьтесь к смерти!

Еще более дикий вой был ответом на слова изверга.

Иоанн нетерпеливо махнул рукою.

Толпу женщин увели и на их место выдвинули другую, состоявшую из связанных священников и монахов.

Вновь началась переключка.

– Яз! – слышалось из толпы при произнесении каждого имени.

Допрос и этой толпы не привел ни к чему.

Все священники и монахи упорно отрицали, что покровительствовали колдовству и наущали баб предсказывать лучшие времена при перемене правления.

– Николи мы ничего не знали и не ведали... – хором отвечали они на расспросы дьяков.

– Вишь, государь, как осатанились они, упорствуют, да и на поди, даже перед твоими царскими очами... – заметил Малюта.

Царь, удрученный результатом допроса ведуний, воочию разрушившим его горделивую мечту о том, что он, представитель власти от Бога, в торжественные минуты праведного суда, могучим словом своим, как глаголом божества, разрушающим чары, может дать силу воле разорвать узы языка, связанные нечистым, теперь пришел в уме своем к другому роковому для него решению, что «царь тоже человек и смертный», и эта мысль погрузила его душу в состояние тяжелого нравственного страдания.

Его совесть раскрыла перед ним длинный ряд поступков, несогласных с идеей правосудия, но допущенных им в минуты слабости.

Он тяжело дышал, глаза его налились кровью.

– Кайтесь!.. – громовым голосом воскликнул он.

– Помилосердуй, государь, ни в чем неповинны мы, холопы твои! – отвечали связанные, упавши на колени.

– Упорство... на правеж... – простонал уже Иоанн с пеной у рта.

– Всех на правеж!.. – полувопросительным, полурешающим тоном крикнул Григорий Лукьянович.

Царь встал с престола и зашатался.

Его поддержал с одной стороны царевич, а с другой Борис Годунов, стоявший рядом с креслом последнего.

У Иоанна в эту эпоху проявления ярости всегда влекло за собою ослабление, сопровождавшееся зачастую припадками, перед началом которых изверг Малюта искусно успевал испрашивать у царя самые жестокие приказания.

– Всех!.. – выкрикнул Иоанн, повторяя первые слова своего любимца, и смолк, почти лишившись чувств, на руках бояр и опричников.

– Не изволишь ли, государь-родитель, мало-мало отдохнуть... освежиться?.. – спросил отца царевич.

Царь не прекословил.

Шатаясь, поддерживаемый сыном и приближенными, он направился к саням.

– Всех на правеж! – уже властным тоном повторения царя приказания снова крикнул Малюта, один оставшийся на возвышении после отъезда Иоанна.

Так ли истолковал он повторенное лишившимся чувств царем его слово?

Из сотни грудей связанных жертв вырвался тяжелый стонущий вздох, от которого не только дрогнули все присутствующие, но и сама земля и камни, казалось, повторили этот вздох, поднявшийся высоко к небесам, так как кругом никого не было, кроме мучителей.

Народ в ужасе разбежался.

Царь тоже не слышал этого вздоха, он уже входил в свои палаты.

Та же мысль о человеческой немощи, присущей и царям, пришедшая ему во время суда, тяжелым гнетом давила мозг Иоанна.

– Может ли устоять воля, даже укрепленная верою, перед началом зла, когда злу этому и я, помазанник Божий, против воли поддаюсь в мгновенья слабости? – продолжал он развивать эту мысль.

Он прошел прямо в свою опочивальню.

– Укрепить может и просветить этот мрак лишь благодать... Испросим ее в молитве...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.